

ДВУХСОТЛЕТИЕ
КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

1696—1896

[Исторический очерк]

Составил
П. П. Короленко

ЕКАТЕРИНОДАР.
Типография Кубанского областного правления
1896

составил
П. П. Короленко

200

— 1896 —
Кубанского
казачьего
войска

1696 • 1896
исторический очерк

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кубанское войско по воле в Бозе почившего ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II имеет старшинство с 1696 года по старейшему из входящих ныне в состав его полков — Хоперскому, образованному из бывших Хоперских казаков, первая служба которых в составе российских войск, относится ко времени Азовского похода.

В настоящем 1896 году исполняется, таким образом, 200 лет верной службы Кубанского казачьего войска русскому государству, и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благополучно Царствующему ИМПЕРАТОРУ благоугодно было ВЫСОЧАЙШЕ разрешить Кубанцам праздновать свой 200-летний юбилей, к которому приготовлен и настоящий очерк, обнимающий двухвековую службу Кубанского войска престолу и отечеству.

Много было случаев Кубанцам, за истекший период жизни войска, заявить свою доблесть в военных подвигах против врагов отечества.

Двухвековая служба казаков составляет богатый материал для историка, требующий продолжительной и серьезной разработки.

Не претендуя на составление истории Кубанского казачьего войска, мы, в виду предстоящего празднования 200-летнего юбилея войска, задались составить только самый краткий очерк, скорей историческую справку, о прошлом Кубанских казаков, не вдаваясь вовсе в описание военных действий их, а ограничиваясь только хронологическим перечнем этих действий.

П. Короленко.

Уважаемый читатель!

В ваших руках книга, давно ставшая библиографической редкостью и долгое время недоступная широкому читателю: «Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696 — 1896. Исторический очерк» — один из основных трудов дореволюционного историка Кубани — Прокофия Петровича Короленко. Трагическая судьба кубанского казачества определила и судьбу исследований, посвященных его истории. Имена многих историков оказались забытыми. Их труды подвергались уничтожающей критике, а то и просто замалчивались. Одним из них был П. П. Короленко.

В отличие от других исследователей Кубани, П. П. Короленко не получил систематического образования. Военный быт казачества, рассказы стариков о прошлом, о боевых подвигах и походах — все это, несомненно, способствовало формированию устойчивого интереса Прокофия Петровича к историческому прошлому Кубани. И этот интерес, увлеченность П. П. Короленко пронес через всю свою жизнь. Занятие историей стало постоянным и одним из главных в его жизни. Свое увлечение историей Кубани П. П. Короленко (1834—1913) совмещал со службой в административных учреждениях Кубанской области. Научные работы, доклады, статьи исследователя являются своеобразным проявлением творческих возможностей увлеченной личности, его любви к знаниям, постоянного неустанного самообразования. Неустанный труд и каждодневный поиск позволили П. П. Короленко занять должное место среди дореволюционных историков Кубани. Им написано более 30 работ по истории, исторической географии, этнографии Кубани.

Еще современники высоко оценили вклад П. П. Короленко в изучение истории Кубани. Его даже называли историографом Кубани. Это проявилось в том, что он первый уделил серьезное внимание выявлению и изучению источников по истории края.

Источникам П. П. Короленко поклонялся как всякий историк-профессионал. Именно забота об архивных источниках, их сохранности привела П. П. Короленко в 1893 г. в архив, но теперь уже в качестве архивариуса Кубанского войскового архива. Всю жизнь П. П. Короленко трудился над выявлением архивных материалов. Не случайно, один из крупнейших дореволюционных историков Кубани Ф. А. Щербина отмечает: «Кто дорожит исторической правдой, тот сумеет оценить вклад Короленко как историка. Он был пионером этого благородного дела, проложив тропу к многим событиям прошлого края».

Еще в 60-е годы XIX в., войсковая администрация поручила П. П. Короленко извлекать и изучать материалы из архива для написания истории Кубанского казачьего войска. Так был создан очерк «200-летие Кубанского казачьего войска. 1696—1896». Книга содержит большой фактический материал, многие факты из которых и периоды истории кубанского казачества отражены впервые. За начальную точку отсчета истории казаков Кубани П. П. Короленко берет первое упоминание в источниках хоперских казаков, как составной части кубанских казаков, т. е. 1696 г.

Многие положения работы П. П. Короленко уже явно устарели. Но мы должны отметить, что этот труд отличается богатством событий, всестороннего

показа истории кубанского казачества. Свою увлеченность историей автор стремился передать читателям, старался сделать свой труд популярным, доступным, и в этом несомненное достоинство трудов П. П. Короленко. Очерк читается с интересом и близок литературному сочинению. При всей краткости, очерк содержит основные события истории кубанских казаков. Автор предстает перед нами летописцем, стремящимся дать читателю повествование об истории нашего края. В этом заключается успех П. П. Короленко, как одного из первопроходцев в изучении истории Кубани. Историк создал труд, удовлетворявший потребности читателей в первоначальных сведениях по истории казачества. И думается, что для современного читателя эта работа явится первыми «вратами» познания истории кубанского казачества.

Успех данного очерка П. П. Короленко во многом определялся тем, что он сумел показать: в истории действует не безликая масса, а конкретные люди. Здесь даны, хотя и краткие, характеристики деятелей истории России, войсковой администрации, атаманов С. Белого, З. Чепеги, А. Головатого и многих других. Много места на страницах книги занимает история русско-горских отношений в период Кавказской войны. В настоящее время этот сложный период в отношениях России и горцев вызывает обостренный интерес. Как представитель своего времени, П. П. Короленко пытается оправдать политику царизма на Кавказе.

Работы П. П. Короленко по истории Кубани позже были использованы Ф. А. Щербиной при создании его фундаментального труда «История Кубанского казачества».

Надеемся, что читатели оценят этот очерк П. П. Короленко и отдадут должное заслугам историка в изучении Кубани.

Кандидат исторических наук, доцент
В. ГРОМОВ.

Начало Хоперских казаков. — Усиление Хоперских казаков выходцами из Московского государства. — Меры Правительства к искоренению беглых в Донском крае. — Участие Хоперцев в Булавинском бунте. — Разорение Хоперских городков и отобрание Хоперских земель. — Новая колонизация Хопра и водворение на Хопре казаков.

В половине XVII века на реке Хопре впервые стали известными, под именем Хоперских казаков, выходцы из разных мест русской земли. Не представляя собой самостоятельной общины, Хоперские казаки были в ту пору в зависимости от центральной Донской войсковой администрации: но власть Донского круга, сосредоточиваясь больше в низовьях Дона, была фактически слаба в его верховьях, а потому Хоперские, а равно и верховые Донские казаки нередко уклонялись от послушания Черкаску, стремясь проявить самостоятельность.

Первые исторические сведения о службе Хоперских казаков относятся к 1696 году, ко времени Азовского похода, окончившегося взятием Петром Великим 19 июля турецкой крепости Азова. В 1695 году предназначенный для действия против турок корпус русских войск собирался в Тамбов, откуда велено было ему идти на Хоперь и далее — в Черкасск, где поступить под начальство генерала Гордона; при чем предписывалось Донскому войску, чтобы, по мере приближения царских войск, все казаки верховых городков, присоединялись к ним. Вследствие чего в состав российских войск вошли, в числе прочих, и Хоперские казаки. Азовский поход был славный поход для казачьих войск, собранных Петром Великим из Запорожья и Дона, —

в нем казаки оказали выдающиеся отличия на глазах самого Царя, взяв, без содействия регулярных войск, неприступные бастионы турецкой крепости Азова. Утвердившись на валу, казаки захватили еще четыре турецкие пушки и отправили их к «многочестнейшему Командиру Петру Алексеевичу, который такую отчаянную смелость и храбрость казаков весьма отличил».

По окончании Азовских походов Хоперские казаки продолжали службу в царских войсках, сражаясь против Карла XII. В 1705 году, во время мятежа в Астрахани, Хоперцы и там участвовали вместе с Донцами в усмирении взбунтовавшихся стрельцов. По призыву Донского Атамана Филиппова, они выставили в двухтысячный Донской отряд из каждого своего городка доброконных казаков, пешие же шли под Астрахань на судах.

Тем временем в конце XVII столетия население Хоперского края постепенно увеличивалось выходцами из Московского государства: помещичьими крестьянами и преследуемыми за раскол. Таких беглецов манили на Хоперь и привольные земли, и отсутствие крепостной барщины, и свободное отправление старой веры, с правом ношения бороды.

Никто не спрашивал пришедших, что за люди и откуда они. Требовалось только, чтобы переселенец был казаком по существу, всегда готовым к воинской службе и молодечеству, забросив с приходом обычную крестьянству соху и борону. Последние считались несвойственными вольному казаку, добывавшему себе необходимое для пропитания и содержания оружием в широком поле на счет соседа-татарина. Если некоторые из пришельцев пробовали заняться, по старой памяти, хлебопашенством, то войсковой круг, узнав об этом, грозил всех пахарей бить до смерти.

Означенное широкое гостеприимство казаков к разного рода выходцам порождало крайнее неудовольствие и в помещиках центральной России, лишаящихся, таким образом, даровой рабочей силы и без того не густо населенных местностей. К казакам шли и уклоняющиеся от тех или иных распоряжений Правительства, бежал преступный, избегающий заслуженной кары закона. Все это, вместе взятое, не могло не ускользнуть от зоркого ока Великого Петра, в ту горячую пору реформаторской Его деятельности, когда в особенности число недовольных росло и свободная возможность образования в пределах Империи притона всякого рода блуждающего люда могла повлиять не только на экономическое благосостояние государства, но и на спокойное проведение цивилизаторских мероприятий Петра.

В конце XVII столетия в первый раз последовало из Москвы запрещение верховым городкам, к которым причислялись и Хоперцы, принимать беглых людей, а когда оказалось этого распоряжения недостаточным, то Царь повелел учредить заставы для поимки беглецов и послать строгий указ Донскому войску не принимать в число казаков беглецов из Московского государства. Несмотря на это, Донское войско, не убоясь Петра, продолжало принимать к себе всех искавших воли.

Тогда Царь, уже в 1700 году, повелел всех людей, своевольно зашедших после 1695 года на Хоперь, Медведицу и другие запольные речки Донского края, возвратити на прежние места жительства, десятого же из них отсылать на азовские крепостные работы. Ревизия населения Донского войска была поручена командированным на сей предмет чиновникам, из которых Пушкину и Кологривову велено отбирать от атаманов и казаков под-

писки в том, что они более к себе беглых принимать не будут, а если и на этот раз окажутся послушниками воли царской, то грозить смертной казнью. Последствием этой ревизии было выселение около тысячи семейств бродяг на дороги, идущие от Валук и Рыбного к Азову.

Донцы покорились, но, тем не менее, весть о небывалой переписи войсковым жителям, о дознаниях о их происхождении и о насильном выселении людей, считавшихся доселе казаками, облетела весь край и сильно взволновала тамошнее население. Когда же еще зашел спор о правах владения соляными источниками в Бахмутском участке, которые Правительством тотчас и были от казаков отобраны, то последние протестовали, объявляя все вышеизложенные распоряжения насилием над вольностями казачьими.

Руководителем недовольных стал бахмутский Атаман Кондратий Булавин, первым действием которого в активном его сопротивлении воле Петра был захват в 1705 году казаками спорных солеваренных заводов, соли и имущества русских солеварщиков. Булавин во главе шайки бунтовщиков, многих тут перебил, а прибывшего дьяка Горчакова не допустил к расследованию кровавого происшествия.

Так начался известный Булавинский бунт.

Прибыв затем на Хопер, Булавин возмутил и тамошних казаков и держал совет с сообщниками, на котором решено было умертвить полковника, князя Долгорукова, посланного тем временем Петром для розыска беглых людей.

Долгоруков был неудачным исполнителем велений царских, будучи человеком ограниченного ума и одержим страстью к бесцельным и не оправдаваемым его высоким положением жестокостям.

Прибыв в станицу Шульгинскую, на реке Айдар, во главе тысячного отряда регулярных войск, он повел себя так бестактно, раздражая грубостью и истязаниями виновных в укрывательстве беглых, чем довел и без того волнующихся казаков, до отчаяния. Поэтому Булавину было легко, прибыв к Шульгинской, склонить тамошних и окрестных казаков к участию вместе с ним в задуманном деле. Долгорукий с Ефремом Петровым и другими старшинами войска, не принимавшими участие в возмущении, были умертвлены самым зверским образом бунтовщиками, тут же погиб и весь отряд войска.

После такого успеха Булавин утвердился на Хопре, в Пристанском городке и приглашал всех стать с ним на защиту прав и вольностей казачьих, а послушникам грозил смертью и разорением, вследствие чего казаки верховых городков по Хопру, Медведице, Бузулуку и Донцу отложились и пристали к Булавину, успевшему, между тем, убить войскового Донского атамана и некоторых старшин и завладеть городом Черкасском. Петр I-й для подавления бунта двинул против Булавина около 7-ми тысяч регулярного войска под начальством майора, князя Василия Долгорукова (брат убитого), но, по мере разраставшегося мятежа, посылал ему в помощь полк за полком и даже сам лично хотел ехать к войскам. Однако до этого дело не дошло: майор Долгоруков покончил с бунтом.

Разбитый Булавин застрелился, главный же его сподвижник — Некрасов, с некоторыми из мятежников, ушел на Кубань; остальные, потеряв предводителей, рассеялись по своим городкам. Князь Василий Долгоруков получил от Царя приказ бунтовщиков не щадить, городки их по Хопру и другим речкам жечь и разорять, виновных же в бунте рубить, зачинщиков сажать на колы и колесовать, ос-

тавляя в живых тех только, кто принесет повинную.

Долгорукий, мстя за смерть брата, сделал даже более того, что от него в этом направлении требовалось: казнены около 7-ми тысяч человек и городки по Хопру разорены все до основания.

Устрашенное население разбежалось, Хопер опустел. Велика была вина Хоперцев, но и кара им за то была не меньшая. Петр и затем продолжал наказание Хоперских казаков: они даже потеряли земли, на которых жили. Верховье Хопра Правительство взяло себе и причислило его к Воронежской губернии, низовые же земли были отданы Донскому войску. Это случилось в 1714 году.

В целях дальнейшего обеспечения спокойствия Хоперского края, в 1716 году была построена между Донской и Воронежской дачами крепость, названная Ново-Хоперскою. Крепость эта была занята гарнизоном регулярных войск, но в ней было позволено также селиться черкасам, малороссам и посадским людям из ближайших русских городов.

С тех пор началось новое заселение Хопра: Донцы заселили свою часть казачьими станицами, а на земли, конфискованные за бунт Правительством, шли люди с разных концов России, сюда же начали мало-помалу собираться и прежние Хоперцы, из которых образовалась слобода Градская, и от Донских станиц на расстоянии 27 верст — сел. Алферовка, Пиховка и Красная.

II.

Образование команды Хоперских казаков. — Разорение татарами Хоперцев. — Царицынская линия. — Волжское войско. — Расширение русских границ до Терека и Кубанской стороны.

После описанных в предыдущей главе событий сохранилась лишь та незначительная часть Хоперцев, которая была в составе Донского войска при взятии Азовской крепости и затем в шведской войне.

Казаки эти были отпущены из царской службы в 1717 году, когда бунт окончился и жилища их на Хопре были, в числе прочих, уже разгромлены, почему они, не имея оседлости, просили, за верную службу, права жить на родном пепелище. Государь внял просьбе этих людей и, как знак особого к ним благоволения за отличия в боях, позволил жить в Ново-Хоперской крепости, оставаясь в прежнем казачьем звании.

Казаки эти образовали из себя впоследствии конную команду, в числе 120 человек, и несли казачью службу в крепости под начальством регулярных офицеров.

В 1724 году последовал Донскому атаману Сенатский указ такого содержания: «Хоперских казаков в подушный оклад не класть и из вышеозначенной крепости на прежние места, где они родились, не выводить, а быть им в казацкой конной службе по-прежнему».

Обязанность Хоперской команды, по словам Кравцова, состояла в преследовании появлявшихся тогда в пустынном Хоперском крае разбойничьих шаек. На этой службе казаки жалованья не получали, а на прокормление, по их просьбе, в 1721 году

были отведены им земли возле крепости из пустых юртов бывших Хоперских городков.

По мере надобности команда Хоперских казаков увеличивалась из вышеуказанных Хоперских селений, — при чем, очевидно, прежде всего пристали к ним Хоперцы, уцелевшие от разгрома, и доходила до 200 человек и более, штатного же числа не имела. Несмотря на устройство Хоперской крепости, жители находились в постоянной опасности от соседних хищных азиатских кочевников. Еще в 1717 г. с Кубанской стороны нагайские татары ворвались в передовые русские поселения и произвели страшное опустошение колонистам Хопра и Медведицы, вследствие чего Петр в том же году повелел строить укрепленную линию от Царицына на Волге к устью впадающей в Дон речки Иловли.

Эта линия в течение 1718—1720 гг. была закончена и заставлена четырьмя крепостями: Мечетной, Грачевской, Сокорской и Донской; крепости эти тогда же заняты были войсками, а для содержания кордонов вызывались Донские казаки.

Обеспечив, таким образом, Хоперский край от внешних нападений, Великий Петр распорядился заселять пустые места от Хопра к Волге и до Царицынской линии, для чего вызывать отовсюду охотников. Но на призыв этот к 1722 г. явилось только около 115 семей из малороссиян.

Мало кому была охота идти в пустынный край, на передовую линию, в соседство татарских орд и горских черкесов, от нападения которых и кордонная линия не всегда могла уберечь поселенцев. Правительство вследствие такой неудачи в прошлом, стремясь заселить ту местность во что бы то ни стало, решило видоизменить в целях успеха самого дела, способ призыва поселенцев, и таким образом в последующие годы призваны были уже

казаки Донские и малороссийские с денежным пособием от казны, провиантом и даровым пользованием землею в том количестве, какое определялось поселенцами на Украинской линии, и эта колонизация военным людом имела иные результаты. Уже в 1731 году охотников поселенцев водворено до 579 семейств. Сначала генералу Таранову поручено было устраивать переселенцев на свободных землях по Хопру, Медведице, Иловле, где не было дач великороссийских помещиков, но с прибытием все большего и большего числа желающих селиться на передовой линии, 1057 семейств в 1732 г. водворены и к стороне Волги, от Дубовки до Царицына, и, без различия состояния, наименованы казаками, в виду того, что они обязаны были защищаться на передовой линии от нападения врага.

Так образовалось Волгское казачье войско, первым атаманом которого был Донской старшина Макар Персидский. Пограничная же черта от Дона до Царицына осталась не заселенною, — там были только среди пустыни одинокие крепости с их небольшими гарнизонами и посты Донских казаков в постоянных разъездах по кордонной линии.

В 1731 году в помощь Донцам призваны на ту же службу еще и Хоперские казаки, обязанные, сверх содержания форпостов и караулов, еще и доставлять почту, за что определено от казны каждому казаку в год 4 руб., а вместо провианта довольствоваться отведенными им землями.

В 1736 году за усердную службу Хоперцам приказано производить жалованье: в год двум ротмистрам по 9 р. 40 к., двум хорунжим и двум писарям по 7 руб. 42,5 коп. и 216 рядовым казакам по 6 руб. каждому. В таком составе была тогда конная команда Хоперских казаков, для которой в 1738 году ротмистр Иноземцев исхлопотал знамя и че-

тыре значка, чем придал команде значение отдельной строевой части.

Между тем русское государство в 1736 году, по договору с Персидским Шахом, заняло новую обширную границу на юго-востоке от Каспийского моря, по Тереку до Моздока, которую и заселило опять-таки казаками, образовав из них особый Моздокский полк.

Вскоре, по Белградскому трактату в 1739 году, Турция уступила России часть земель южнее Царицынской линии, от устья Темерника, впадающего в Дон, через Кубанские степи, также до Моздока на Тереке.

Русское Правительство было крайне затруднено устройством новой пограничной линии, так как границы государства проходили по совершенно глухим степям Северного Кавказа, среди враждебных народов, да и сама Царицынская линия была все еще не заселена. Поселенцы туда не шли, а Донские казаки были и без того истощены передвижениями за пределы войска на передовые линии Волги и по Тереку. Относительно свободными оставались Хоперские казаки, но они были не столь малочисленны, что не могло быть речи о возможности занять ими Моздокскую линию, тем более, что из небольшой их команды уже в 1754 году отряжены были казаки в конный Азовский полк, стороживший Донскую сторону от Кубанских нагайцев, в числе 100 человек, после чего в Хоперской крепости оставалось на службе всего 120 человек. Даже в 1768 году Хоперское казачье население состояло лишь из 1540 душ мужского пола, исключая казачьих братьев и родственников, 820 человек, на подушном окладе.

III.

Поземельный вопрос Хоперских казаков. — Сформирование Хоперского полка. — Проведение Моздокской линии и переселение на эту линию Хоперских казаков.

До сих пор Хоперские казаки пользовались землей в казенных дачах, находившихся в ведении Канцелярии иностранных поселенцев, но с увеличением населения Хопра и с началом получения казаками за службу жалованья был возбужден вопрос о регулировании пользования. Проект об этом состоял в том, чтобы наделить казаков земельными участками в размере 60 десятин на двор, считая в каждом по 4 души мужского пола. Это сильно встревожило Хоперцев. 15-десятинный надел на душу равнялся крестьянскому пользованию землей. Казак нуждался в просторе и безграничном владении угодьями; всегда на службе, он не имел ни времени, ни склонности к занятиям земледелием, служащим подспорьем мирному пахарю и при небольшом наделении землей.

Но несмотря на чувство обиды, покорные Правительству Хоперские казаки подчинились подушному размежеванию земли и просили лишь ходатайства воронежского губернатора Маслова о предоставлении им права общинного владения, заверяя при этом в искреннейшем своем желании — принести в будущем наибольшую пользу государству службою, в доказательство чего представляли о готовности образовать из своей среды целый конный полк.

Лет семь тянулась об этом переписка, и только в 1775 году последовало разрешение сформировать из Хоперских казаков конный полк, служба кото-

рому назначалась не полевая, а внутренняя для сыска воров и разбойников и потому жалованья казакам не назначалось, а для содержания их предоставлялась земля, соответственно количеству мужского казачьего населения, общим счетом на каждый юрт казачьих слобод: Градкой, Пиховки и Алферовки 40005 десятин; тогда же было отмежевано 18630 десятин и для юрта селения Красного, которое тоже считалось казачьим, но оно образовано не из природных Хоперских, а из пришлых малороссийских казаков.

По приказанию князя Потемкина Хоперский полк был сформирован в том же 1775 году в составе 520 человек строевых, в который вошли казаки и 145 семейств персиан, проживавших в Саратовской губернии. Персиане эти, по представлению капитана Фаминцына, получили по 50 рублей, в виде пособия, на нужды каждой семьи; казаки и малороссияне из селений: Красного, Пиховки и Алферовки исключены лишь из подушного оклада. Командиром полка назначен премьер-майор Устинов, которому предписано было сформированный из разных сословий Хоперский полк принять от коменданта Новохоперской крепости Аршеневского и выбрать в строй, согласно штату, лучших людей.

Памятный в истории выдающийся государственный деятель князь Григорий Александрович Потемкин, приняв в управление Кавказский край, обратил особое внимание на южную русскую границу, которая со времени Белградского трактата, заключенного с турками 7 сентября 1739 года, как о том отмечено выше, на протяжении 500 верст, от Моздока до Азова, оставалась не занятой, почему тамошние земли находились все еще в фактическом владении кабардинцев и других горских племен. Вследствие такого нежелательного порядка ве-

щей князь Потемкин в 1776 году всеподданнейше доносил о необходимости устроить укрепленную линию от Моздока до Азова, Царицынскую же линию, находившуюся внутри русских владений, упразднить. По его мнению, Волгское казачье войско, с передвижением границы с Волги на Кавказ, было там не нужно, а потому Потемкин предполагал передвинуть его на Моздокскую линию.

5 мая того же года намерения Потемкина получили Высочайшую в Бозе почившей Императрицы Екатерины II санкцию, почему и было приступлено к исполнению всего вышеизложенного. Генерал Якобий, по поручению Потемкина, наметил пункты для постройки крепостей и расположения кордона. Оказалось, что для занятия громадной пограничной линии недостаточно заселения ее Волгскими казаками, почему князь Таврический испрашивал разрешение о направлении туда и Хоперского полка. При этом князь полагал занять Волгскими казаками линию от Моздока до Байбалы, а Хоперскими от Байбалы до Егорлыка. В 1777 году и этот проект получил утверждение, почему Волгские и Хоперские казаки были двинуты на Моздокскую линию.

В мае месяце того же года Хоперский полк получил предписание князя Потемкина о переселении на Кавказ, с подчинением его астраханскому губернатору. На расходы по передвижению каждый казачий двор получил по 20-ти руб. Сначала выступили строевые казаки, а за ними стали подниматься и их семьи со всем удобным для перевозки движимым имуществом. Долго тянулись эти сборы, грустно было расставаться с родным Хопром и идти в неведомый дальний Кавказский край, полный тревог и лишений. Но Хоперцы давно уже привыкли жертвовать жизнью и благосостоянием своим Ца-

рям и отечеству и потому в 1779 году безропотно прибыли на Моздокскую линию.

Означенное переселение тяжело отразилось на экономическом быту Хоперцев. Данное им на подъем от казны пособие, далеко не могло возратить имущественных потерь, неизбежных при таком дальнем передвижении целыми семьями.

Крепко стали Хоперцы на Моздокской линии и грудью заслонили границу русской земли против горских народов. На линии этой были устроены четыре крепости: Северная, Московская и Донская, при которых расположены станицы Хоперских казаков, прикрытые ретраншаментами, а Ставропольской же назначено быть полковому штабу.

Тяжелая, полная тревоги и лишений была первоначально жизнь Хоперцев на Моздокской линии. Кавказские горцы беспокоили набегами их поселения, а кабардинцы дерзко требовали от русского Правительства снести Моздокскую линию, построенную будто бы на их земле. На что Правительство ответило тем, что в 1801 году воздвигнута была в самой Кабарде, возле Пятигорска, Константиногорская крепость.

Меньше всего страдали новые поселенцы от нагайцев, кочевавших по Кубанским степям. Это племя и по природе своей не было воинственно, а кроме того, с их стороны казачьи селения прикрывались регулярными войсками и построенными еще Суворовым по самой Кубани укреплениями в 1777 и 1778 гг.

Конвенцией, заключенной в Константинополе 28 декабря 1783 года, река Кубань была признана границей между Россией и Турцией, вследствие чего Моздокская линия, столь озабочивающая, как мы видели это выше, князя Потемкина, теперь оказалась внутри русских пределов. Под защитой креп-

кой Моздокской линии и с новым отдалением русских границ еще на юг, русская колонизация на Северном Кавказе настолько развилась, что вызвала необходимость уже в 1786 году учредить Кавказское наместничество, правителем которого был назначен генерал-поручик Павел Потемкин. Последний, по указаниям князя Тавриды, занялся прочным устройством Кавказской кордонной линии, на которую, в числе прочих войск, посылались с упрямой Моздокской линии и казаки Хоперского полка, занявшие постепенно посты от Константиногорской крепости, считавшейся крайним пунктом кордонов Волгских казаков, до Воровсколесского редута.

Так как русские поселения подходили только к верхней части Кубани, то начальствующий впоследствии над Кавказским краем генерал Гудович ходатайствовал о новом переселении на Кавказскую линию Волгских и Хоперских казаков, служба которых на местах жительства, находившихся уже внутри наместничества, была бесполезна. Практиковавшееся же доселе дальнейшее командирование казаков, особенно Хоперского полка, на новую кордонную линию было слишком обременительно, в виду значительной удаленности этой линии от их поселений. Генерал Гудович не успел, однако, в своем представлении, которое в 1792 году было отклонено, в виду предположения Правительства о населении Кубани Донцами.

Так начали казаки Хоперского полка свою службу на сухопутной границе Кавказской линии, продолжавшуюся, как увидим ниже, вплоть до перехода их на Кубань.

IV.

Переселение Черноморских казаков с Днестра на берега Кубани. — Взгляд на прошлое Черноморского войска. — Очерк Кубанского края. — Занятие Черноморцами кордонной линии на Кубани. — Переселение на Кубань Донских и Екатеринославских казаков и занятие ими Кавказской линии.

30 июня 1792 года Высочайше пожалованы ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II Черноморскому казачьему войску в вечное владение Фанагорийский остров и земля по правой стороне Кубани, в границах — на восток до Кавказской губернии, а на севере до пределов Донского войска и Екатеринославской губернии; юго-западная сторона этих земель омывалась рекой Кубанью, Черным и Азовским морями.

Пространства, дарованные Черноморцам, занимали около 28-ми тысяч квадратных верст и делились на две несходные в топографическом отношении части: Таманский остров и Кубанскую землю.

Первый был покрыт озерами, лиманами и непроходимыми болотами, раздвинутыми последними отрогами Кавказского хребта, отброшенными за устье реки Кубани, с песчаным и отчасти каменистым грунтом, а последняя — представляла собой безлесную равнину, ограниченную с юга течением Кубани и прорезанную диагонально болотистыми речками, стремящимися к Азовскому морю и заросшими в низовьях камышами и иными болотными растениями. Правый берег Кубани высок в среднем ее течении, в нижнем же низок, изрезан протоками, местами покрыт плавнями. Закубанский же берег весь низок и сплошь покрыт непроходимыми плавнями и лесом, а за ними высится величествен-

ный массив Кавказского хребта, силуэт которого ясно обрисован с низовой стороны Кубани и, постепенно от нее отдаваясь на восток, теряется в туманной дали. Летом вся Кубанская степь, с богатой черноземной почвой, покрывалась роскошным ковром разнообразных трав, цветов и серебристой ковыли. В то время Кубанский край представлял совершенно девственное поле.

История не знает, чтобы Кубанские степи в прошлом заселялись кем-либо оседло; здесь кочевали скифы, а в последние годы нагайские племена и калмыки. С присоединением же в 1783 году Крыма и земель Северного Кавказа к России, нагайцы откочевали за Кубань. После чего вся эта страна совершенно опустела и на обширных ее степях, кроме волков и других мелких зверей, свободно разгуливали целые табуны диких коней, тарпаков, да в прибрежных плавнях находили тихое и безопасное убежище стада оленей и свиней.

По берегу Кубани, обозначающей границу между Россией и Турцией, стояли лишь одинокие посты кордонной линии Донских казаков и некоторых частей регулярных войск Кубанского корпуса.

Такую-то картину представляли из себя Фанагорийский остров и Кубанская земля, когда они в 1792 году были заняты казаками Черноморского войска.

Войско это было сформировано на Днестре в 1787—1788 гг. из запорожцев, призванных князем Потемкиным-Таврическим в турецкую войну под русские знамена из Екатеринославского наместничества и турецких пределов, куда они ушли после уничтожения в 1775 году Запорожской Сечи.

Собравшись под команду старшин и устроив на Днестре прежнее свое кошевое управление, запорожцы приняли переданное князем Потемкиным

через генерала Суворова войсковое знамя с изображением Андреевской звезды, с надписью: «За веру и верность», булаву кошевого атамана, пернач и другие войсковые клейноды и заняли отведенную им для поселения землю, завоеванную от турок между Бугом и Днестром, к стороне Черного моря. Отсюда, именуясь сначала войском верных казаков, в отличие от неверных запорожцев, служивших турецкому Султану, они и получили название войска Черноморского, под каким именовались казаки и участвовали в тогдашней турецкой войне, по окончании которой переселены, как выше упомянуто, на Кубань.

Передовой отряд Черноморцев прибыл Черным морем на войсковой флотилии, а вслед затем пришла на Кубань и остальная часть войска сухим путем со своим кошевым атаманом бригадиром Захарием Алексеевичем Чепегою и войсковым судьей полковником Антоном Андреевичем Головатым.

Чепега прибыл осенью 1792 года в пределы Черномории, зимовал на реке Ее, а весной следующего года передвинулся к Кубани и стал лагерем на Карасунском куте, где основал войсковой город, названный Екатеринодаром в честь ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Черноморские казаки, заселяя Кубань, расположились у самых берегов реки несколько куренных селений, в виде укрепленных городков, защитив их высокими плетневыми изгородями и пушками, для отражения могущих случиться нападений горцев, прорывавшихся через кордонную линию на русскую сторону. Городки эти не имели гарнизонов, защитниками их были сами жители. Горцы, хотя и не высказывали на первых порах особенно враждебных отношений к соседям Черноморцам, но, по свойственным им хищническим инстинктам, воровали

скот у казаков, а подчас не прочь были захватить втихомолку кого-нибудь и из людей, отправляя последних на продажу в невольничество в горы дикого Кавказа.

Поселяя Черноморских казаков на Кубани, Правительство желало этим обеспечить русские границы от вторжения воинственных черкесских племен, заменив казаками находившиеся там регулярные воинские части, с трудом переносящие полную лишения жизнь в пустынном крае.

«Войску Черноморскому предлежит бдения и стража пограничная от набегов народов закубанских» — писала Монархиня в грамоте от 30 июня 1792 года, в виду чего кошевой атаман Чепега прибыл на Кубань, сменив пограничную стражу Кубанского корпуса, и занял казаками кордонную линию, длиной до 250 верст, начиная от Тамани до урочища «Изрядный источник». Черноморцы устроили там посты, в виде небольших укреплений, в которые поставлены гарнизоны от 20 до 50-ти человек, под командой особых старшин, и только в одном главном Ореховатом кордоне при атаманской ставке находились 7 старшин и 163 казака.

Выше Черноморских постов расположены были шесть Донских полков, и из них предполагалось образовать такую же стражу, как и в Черномории, для чего, одновременно с переселением Черноморцев, последовало Высочайшее повеление об окончательном водворении названных Донских полков на Кавказе, с вызовом с Дона семейств тех казаков, которые должны были образовать собой казачьи поселения и таким образом колонизировать земли Кубанского края до самой Моздокской линии, подходившей к Кубани у урочища Темижбека. Но как только Донские полки узнали о намерениях Правительства, то заявили громкий протест, а когда

Гудович приказал силой заставлять их работать по устройству будущей оседлости, Донцы трех полков: Поздеева, Луковкина и Кошкина, побросав свои посты, начали массами уходить за Дон. С появлением беглецов Донское войско заволновалось. Никакие увещания не действовали, — казаки упорно отказывались идти на Кавказ для всегдашнего там жительства.

Войсковой атаман Иловайский, озабоченный происходящим, лично ходатайствовал, в целях умиротворения, о прощении беглецов и об отмене поголовного переселения полковых семейств на Кубань. ИМПЕРАТРИЦА простила непослушных и повелела: переселить только 3000 Донских казачьих семейств, отправив их на Кавказ по станичному назначению. Чтобы еще более облегчить исполнение этой задачи, в число 3000 семейств назначено 800 семейств зачисленных в Донское войско малороссиян. Но такие милости не успокоили Донцов, которые продолжали упорствовать.

Пришлось применить силу к неповинуящимся и двинуть против них регулярные войска.

Между тем Правительство пошло и на дальнейшие уступки и вместо 3000 сем. назначило к выводу только тысячу семейств, в которых числилось до 4700 душ обоего пола.

Только в 1794 году приведены в исполнение желания Правительства и Донцы расселены по Кавказской линии в шести станицах, при крепостях: Усть-Лабинской, Кавказской, Григориполисской, при Темнолесском ретраншаменте и Воровсколесском редуте, на расстоянии около 300 верст. Переселенцы получили пособие от казны, на подъем и первое обзаведение, на каждую семью по 20 рублей и по четыре четверти ржаной муки; кроме того в

каждую станицу на сооружение церкви выдано по 500 рублей.

Из вновь устроенных станиц образовался Кубанский полк, занявший кордон по среднему течению Кубани.

Скоро на Дону узнали об экономическом преуспевании этих выходцев, о привольной их жизни и о богатстве природы на новых местах. Тогда, под предлогом родства и по разным другим причинам, казаки стали стремиться уже сами, в противность прошлому, с Дона на Кавказ.

Охотников селиться на Кубани целыми семьями явилось так много, что пришлось принять административные меры к прекращению этого уже ненужного передвижения.

Вслед за Донцами просились на Кавказскую линию и Екатеринославские казаки из Слободско-Украинской губернии.

История этих новых переселенцев следующая:

В турецкую войну в 1787—1791 гг. князь Потемкин-Таврический, желая увеличить контингент казачьих войск, приказал формировать казачьи команды в Екатеринославском наместничестве из однодворцев и раскольников, живших по правую сторону Днепра. Таким образом, новое Екатеринославское казачье войско явилось в составе четырех полков, каждый в 1250 человек. Войско это начало службу по Донскому положению, под командой донского полковника Платова, при Донских казачьих старшинах и нескольких инструкторах, вызванных из Донских же казаков. Не учреждая в Екатеринославском войске войскового управления и не давая ему атамана, князь Потемкин признал, однако, нужным предоставить казакам некоторые права и преимущества. В мае того же года Потемкин, осмотрев собранные Платоновым полки Екате-

ринославского войска, нашел их готовым к службе и хорошо усвоившими приемы казачьего строя.

Крайне довольный вновь образованным войском, князь Тавриды 19 мая писал ГОСУДАРЬНЕ, что в виду похода за границу русских войск, «было освещение знамен казачьего прекрасного войска», составленного из екатеринославских однодворцев. Войско это, участвуя в войне с турками, удостоилось называться своим гетманом светлейшего князя Григория Александровича до самой его смерти, последовавшей в 1791 году.

По окончании турецкой войны войско перестало существовать. По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению, екатеринославские казаки были от военной службы уволены домой.

Такое неопределенное положение екатеринославцев обратило, впоследствии, на себя внимание Правительства, и в 1796 году последовало распоряжение переименовать их в прежнее гражданское звание, а за службу дарован им двухлетний льготный срок, во время которого податей им не платить и избрать род жизни. По истечении означенного срока доверенный бывших Екатеринославских казаков, Кузьма Рудов, просил в 1800 году Правительствующий Сенат о переводе 3300 душ мужского пола на Кавказскую линию, с прежним казачьим званием, на что и получилось в том же году ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение.

В 1802 году Екатеринославские казаки пришли на Кавказскую линию и поселены станицами при редутах: Ладожском, Тифлисском и Темижбекском. Из этих поселений образован новый казачий семейный полк, названный Кавказским, которым начал командовать в 1803 году есаул Гречишкин, назначенный инспектором в Кавказской инспекции генералом Шепелевым.

В следующем 1804 году переселены в Кавказский полк еще 378 душ однодворцев Слободско-Украинской губернии, служивших также в Екатеринославском войске, которые с приходом на Кубань образовали Воронежскую станицу.

Таким образом, правая сторона Кубани заселена казаками и, верные долгу перед Царем и отечеством, Черноморские и Кавказские линейные казаки стали крепким оплотом на южной границе русского государства, против подвластных туркам закубанских черкесских племен, от устьев Кубани до урочища Темижбек.

У.

Переселение Хоперцев с Моздокской линии на Кубань.

Заселение Черноморской и Кавказской линий военным элементом было выгодно как для Правительства, так и для самих казачьих поселенцев, потому что на Кубанской границе, где в прежнее время стояли два корпуса, явилась возможность уменьшить число войск, а пограничная служба вблизи их поселений была более выгодна казакам в хозяйственном отношении. Казаки имели большую возможность поддерживать личным присутствием свое хозяйство и семьи, находившиеся вблизи казачьих кордонов, чем тогда, когда они выходили на службу за несколько сот верст от своей оседлости. Притом семейные казаки в этом случае проявляли большую энергию в отражении набегов горцев на правую сторону Кубани, защищая тем самым свой личный домашний очаг.

Но так как казачьи поселения на Кавказской линии были в то время еще относительно редки, что затрудняло службу постов, то генерал Ермолов ходатайствовал о переселении на Кавказскую линию и живших вдали от границы Хоперских казаков из станиц: Ставропольской, Северной, Московской и Донской; кроме того, Ермолов полагал возможным и полезным обратить в казаков и прочих поселенцев Северного Кавказа, живших вблизи границ, в том внимании, что они, подобно истым казакам, с оружием в руках, защищают свои жилища от неприятельских набегов закубанских горцев и хотя не считаются казаками, но привыкли уже к казачьей жизни и при малочисленности последних могли бы служить хорошим подкреплением Кавказским линейным казакам.

Все эти предположения Главнокомандовавшего Кавказским краем, Ермолова, в 1823 году удостоились ВЫСОЧАЙШЕГО утверждения, и Хоперцам объявлено было переселение на Кубань. Начались неизбежные хлопоты и сборы к новому далекому переходу на Кавказскую линию.

Поселившись в 1779 году на Моздокской линии, Хоперцы пережили то тревожное время, когда под угрозой разорения кабардинцами или нагайцами, они находили спокойствие только под защитой крепостных пушек и своих винтовок. С отдалением южных границ России от Хоперских жилищ благосостояние их постепенно стало развиваться. Но служба потребовала новых жертв, и Хоперцы бросили все свое имение, нажитое с немалым трудом за 50 лет. В 1826 году Хоперцы были уже все на Кавказской линии. Там они, по указанию начальства, поселились во вновь устроенных станицах: Баталпашинской, Беломечетской, Невинномысской и Барсуковской на Кубани, Бекешевской, Карантинной на Куме.

Все эти станицы образовали на Кавказе Хоперский полк, подобно тем семейным Кубанским и Кавказским полкам, которые раньше поселены на Кавказской линии. После этого перехода Хоперцев на Кубань и Куму, цепь казачьих поселений растянулась по всей Кавказской линии от Тамани до Константиногорской крепости и далее — до устья Терека.

Переселением Хоперцев на Кавказскую линию выполнена только первая часть проекта генерала Ермолова: вторая же приведена в исполнение почти через десять лет, по особому ходатайству Главнокомандующего Кавказским корпусом барона Розена. По его представлениям, в 1832 году из разных Кавказских полков сформировано одно Кавказское

линейное казачье войско. Тогда только кавказские поселенцы гражданского ведомства, о которых писал Ермолов, были зачислены в военное казачье сословие, с присоединением их селений в состав названного линейного войска. И с этих пор история Хоперского полка, как отдельного казачьего поселения, в нашем очерке прекращается. Казаки этого полка составили часть войска наравне с другими такими же кавказскими семейными полками и самый состав полка в бытовом отношении изменился. Вошедшие в Кавказское линейное войско Кубанский, Кавказский и Хоперский полки удержали за собой одно только название; население же каждого полка при реорганизации составлялось из тех станций и казенных селений, причисленных к войску, которые по территориальному положению более подходили к полковому округу, в составе названного линейного войска.

При сформировании, войско было поделено на бригады, а бригады на полки, по два в каждой.

VI.

Обмундирование и вооружение казаков. — Пограничная служба и экономическое положение казаков.

При заселении Кубанского края, Черноморские и линейные казаки определенного обмундирования и вооружения не имели. Черноморцы сохраняли свой заветный запорожский червонный жупан с цветным полукафтанием, подпоясанным цветным шелковым кушаком, синие суконные шаровары, в несколько аршин ширины, убранные в желтые сафьянцы с высокими каблуками; круглая, с узким околышем, шапка прикрывала бритую казацкую голову с длинной чуприной, закрученной с левой стороны за ухо; бритая борода и длинные усы придавали им суровый вид храбрых витязей времен Святослава. Вооружение их состояло из длинной рушницы (ружье), кривой турецкой сабли, пистолета, списа (короткое копье) и длинного ножа, который каждый казак всегда носил на боку в кожаных ножнах. С 1814 года казакам Черноморского войска была определена однообразная форма одежды и вооружения с той существенной разницей, что вместо свободных кармазиновых жупанов, их затянули в тесные, синего сукна, куцые куртки с откидными рукавами; широчайшие, в виде шальвар, туркени — штаны, составлявшие красу казака, обрезали в узкие немецкие шаровары, на выпуск, и дали высокие барашковые кивера с вытишкетами; сафьянцы заменены обыкновенными сапогами, а дорогими чупринами казаки должны были навсегда распрощаться, так как бритая голова покрылась уже волосами; в вооружении тоже произошла некоторая перемена; вместо длинноствольных легких ружей казакам дали тяжелые карабины, ножи сня-

ли, а так как войско разделилось на пеших и конных казаков, то у первых остались прежние дротики, а последних вооружили ратищами (длинная пика).

Линейцы имели другую форму одежды и вооружения. Нам уже известно, что Кубанский полк образовался из жителей Екатеринославской губернии, служивших некоторое время в турецкой войне 1787—1791 гг. в Екатеринославском войске. Эти казаки, не имея прошлого, не успели еще выработать себе однообразного казачьего обмундирования и вооружения до прихода на Кубань и потому, поселившись на Кавказской линии, одевались частью по донскому казачьему образцу, а частью — по кабардинскому. Вооружение у них тоже было смешанное: азиатские винтовки, пистолеты, шашки, кинжалы и донские пики. Кавказский полк, как поселенный из Донских казаков, перенесен всецело с Дона на Кубань все свое родное обмундирование и вооружение.

Хоперские казаки в начале прошлого столетия входили в состав Донского войска, но тогда, как на Хопре, так и на Дону, казачество еще было вольное, без всякой военной организации и потому ни обмундирования, ни вооружения, более или менее схожего, не имели. Донцы постоянно сносились с калмыками и часто сталкивались с кубанскими азиатскими народами, почему, по свидетельству донского станичного атамана Кочерова в 1705 году, они ходили в бородах, платье носили стародревнее, русское, иные калмыцкое, а иные черкесское, кому какое нравилось. Когда же Хоперцы были отчислены от Донцов и из них в 1774 году составлялся особый конный полк, то Военная Коллегия определила им следующее однообразное обмундирование, несколько сходственное с запо-

рожским: шапку круглую с малиновым верхом и барашковым околышем, кафтан голубого цвета, полукафтанье и шаровары малиновые с малиновым на верхнем кафтане отворотом и с черным кушаком; вооружение полагалось казаку: карабин, сабля, пика. Но с переходом на Кавказ, Хоперцы не следовали означенному указанию, а придерживались той формы одежды, которую в ту пору носили на Кубани Донские казаки. С течением времени, как Хоперцы, так и прочие линейные казаки, приняли одежду и вооружение черкесов, удержав только одну донскую пику, счищуемую важным оружием в иррегулярном войске, но и от нее скоро отказались.

Все казаки, как Черноморские, так и линейные, оберегавшие границу на Кавказской линии и Черномории до ВЫСОЧАЙШЕГО утверждения положения об этих войсках 1842 и 1845 годов, определенного возраста и срока для военной службы не имели. Каждый, вышедший из юношеского возраста, служил до старости. Казаку только иногда давалась льгота для устройства хозяйства, но льготы эти нередко ограничивались не годами и месяцами, а днями. Не успел казак прибыть с кордона в свой дом, расседлать коня и снять с плеча оружие, как уже вслед за ним являлась цидула, с припечатным на конверте пером, о намерении горцев напасть на наши пределы или о прорыве уже неприятеля через кордонную линию и нападении на пограничные казачьи поселения: грохот орудий раздается с ближайшего поста и зловещим эхом отдается в нагдвинувшихся к Кубани Кавказских горах. Казак, услышав пушечные выстрелы или по призыву курьера, скачет уже на место происшествия, защищать свою родную землю от свирепого горца и нередко более не возвращается. Горец дает казаку вечную

льготу от службы за гробом. Если иногда, при смене казака со службы, летом и не последует тревога на границе, то зима непременно вызовет его на кордонную линию.

Горцы, пользуясь свободным переходом по льду через пограничную реку Кубань, шли партиями на нашу сторону для грабежей и опустошения пограничных селений, которые нередко пылали от вражеского огня. Для удержания горцев не всегда было достаточно одних кордонных постов, иногда приходилось подымать все население станиц, не исключая стариков и малолетних. Трудна была служба казаков на Кубанской границе, не менее тяжело было и их экономическое положение. Не имея свободного от службы времени и тревожимый даже в самом доме, казак не имел ни времени, ни возможности заняться устройством хозяйства. Еще при большой семье положение было сносно, но при одиночестве и бедности положение его часто было невыносимо. Даже зажиточному, но малосемейному, было не легко — по недостатку вообще рабочих рук. В то время климат в прикубанском крае, покрытом болотами, был убийственный; пришлый люд валился от кубанской лихорадки и не шел на заработки из внутренней России, тем более, что мирный крестьянин боялся и черкеса. Ввиду такого неблагоприятного экономического положения, в Черномории малосемейные казаки занимались более всего скотоводством, для которого требовался один только пастух из подростков, да немного зимой корма. Ухода за скотом никакого не было: зимой и летом, в стужу и непогоду единственным убежищем, как для рабочего, так и для гулевого скота всякой породы, был баз, да при нем небольшой навес для овец, с чем легко управлялись одни

казачки с детьми. От продажи скота добывались деньги, на которые казак, при грошевом войсковом содержании, снаряжался на службу и содержал семью.

VII.

Первоначальный характер и домашний быт прикубанских казаков.

Казаки Черноморского казачьего войска, переименованные в 1860 г. в Кубанское, резко отличались от той части линейных казаков, которые в том году вошли в состав этого войска. Черноморцы были все малороссы. Кроме запорожцев, в состав Черноморского войска вошли малороссийские казаки с их семействами, переселенные из Полтавской, Черниговской и частью Харьковской губерний в 1809, 1811, 1821, 1825, 1845 и 1850 годах; казаки же Кавказского линейного полка составились из разнородных элементов, принявших, при долговременной службе их на Кавказской линии, общий тип великороссов. Поэтому, при одних и тех же условиях кавказской службы, эти две части Кубанских казаков имели несколько разный характер в нравах, обычаях и в домашнем быту; родной язык Черноморцев был малороссийский, исповедывали они православную веру и очень усердны были до церкви. По приходе на Кубанскую землю, устроили Екатерино-Лебяжско-Николаевскую пустынь, а после и женский Мариинский монастырь, которые существуют и доселе; завели богадельни в названном монастыре, а также и в войсковом городе Екатеринодаре, для приюта престарелых и увечных воинов. Торговлей Черноморцы сами не занимались, считая это не соответствующим казачьему званию; всякого рода торговлю предоставляли иногородним людям, ремеслами же: кузнечным, плотничьим, сапожным, портняжным и проч. Черноморцы не пренебрегали. Земледелие в Черномории было не особенно развито, но все-таки казаки хлеба у дру-

гих не покупали, а довольствовались своими трудами. Главное их занятие было скотоводство и рыбные ловли. Домашняя обстановка их хотя и не отличалась особым изяществом и прочностью, так как дома большей частью строились турлучные и крылись камышом, но зато всегда были чисты и дворы огорожены; раскиданные во множестве по войсковой земле одиночные хутора красовались садами и рощами и при многих находились хорошие водяные мельницы. Войсковая земля была не делена, и для казака был простор разводить тысячные отары овец, сотни рогатого скота и табуны сильных степных лошадей, славившихся на всю Россию.

Черноморец на вид был суровый, но под суровым взглядом крылось доброе сердце. Особенная веселость у него являлась в приятельской беседе, за чаркой горилки, за которой проводили немало лишнего времени, и шинкаровка с черными бровями и карими очами фигурирует во многих песнях, перенесенных казаками от Днепра и Украины на Кубань.

В домашнем быту Черноморский казак всегда любил показать свою власть, хотя бы и на жене, и ради наглядного выражения этой власти в день свадьбы клал три удара плетью на спину молодой своей супруге. В этом случае казаки держались поговорки: «Люби жынку як душу, а тряси ак грушу». При традиционном стремлении во всем к воле и свободе, Черноморцы никогда не уживались в большой семье. Сын жил у отца только до женитьбы, а после брака, как бы он беден не был, непременно выходил из отцовского дома на свое хозяйство, чтобы не быть в подчиненности у родителей. Это уже был такой обычай самолюбивых малороссиян. Дробление семейств у Черноморцев вело к тому, что казак, уходя на службу, нередко оставлял до-

ма одну только жену, да малолетних детей, и этой казачке приходилось в отсутствие мужа исполнять по хозяйству все мужские работы. Но казачка не горевала, потому что после трудных занятий в поле и дома, она чувствовала себя полной независимой госпожой хоть грошевого, да своего хозяйства; в доме же родителей мужа, хотя бы и зажиточных, она тяготилась, и говорила мужу, как поется:

**«Построй хату з лободы,
А в чужую не веды,
Бо чужая такая,
Як свекруха лыхая».**

.....

Не то совсем было у линейных казаков, сложившихся из разнородных элементов. Там каждый вносил в общую казачью семью свой характер, свой обычай, унаследованный от предков, или заимствовал у соседних горцев то, что считал пригодным для боевой жизни казацкой. При разнообразном этнографическом составе трудно проследить в частности характер и обычай линейных казаков. Но в общих чертах можно сказать, что у них речь преобладала великорусская; казаки держались православной веры, но между ними были и раскольники. Удальство в наездничестве и прочих физических упражнениях, требовавших легкости движений, было отличительной чертой линейца; веселый характер и чарка водки и ему не были чужды. Семейный быт у линейных казаков был патриархальный. Нередко можно было встретить в семье старого деда, у которого в полном послушании жили сыновья, внуки и правнуки, целыми десятками. Такая семья, выделяя из себя на службу казаков, не горевала, потому что имела много рабочих рук, и, в случае утраты в бою казака, вдова находила поддержку у

родных общего дома. При таком строе семейного быта полевое хозяйство у них велось лучше, чем у Черноморцев. Но само войско далеко было беднее Черноморского, за отсутствием войсковых промыслов.

В отношении военной службы, как Черноморцы, так и линейцы были почти в одинаковых условиях. Стоя лицом к лицу с враждебными горцами, они должны были постоянно быть при оружии, не покидая его ни на посту кордонной линии, ни в доме, потому что горец и там являлся внезапно нежеланным гостем.

VIII.

Военные действия казаков до переселения их на Кубань. — Высочайшие награды Черноморским казакам при переселении их на Кубань. — Административное устройство и строевой состав Черноморцев на Кубани.

Линейные казаки Кубанского полка до поселения их на Кубани принадлежали к Донскому войску, поэтому и самые военные действия их до этого времени относятся к истории Донцов. Хоперцы после участия в азовском походе и шведской войне, оставаясь на Хопре, во внешних войнах не участвовали. За это время они, сообщает Дебу в своем сочинении о Кавказской линии, участвовали лишь в подавлении пугачевского бунта, поражением мятежников и изгнанием их из пределов Воронежской губернии. По переселении же их на Моздокскую линию, содержали посты при крепостях, выходили на Кавказскую линию и участвовали в закубанских походах, а в 1786 году находились в составе Каспийского корпуса, в военных действиях с персианами. Кавказский полк составиля, как уже было упомянуто, из населенных однодворцев Екатеринославской губернии, поступивших в казаки во вторую турецкую войну ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Черноморское войско, созданное, как выше было сказано, из бывших запорожских казаков, было сформировано князем Потемкиным перед началом второй турецкой войны, и с первых же дней своих проявило в этой войне видное участие. Войско это образовало первоначально волонтерскую команду под начальством старшины Сидора Белого; но с увеличением числа прибывших запорожцев, князь Потемкин нашел возможным сформировать из них

целое войско «верных казаков» с организацией, существовавшей в Запорожье, и орденом 31-го января 1788 года утвердить кошевым атаманом выбранного казаками того же старшину Сидора Белого, которому и передал войсковое знамя, атаманскую булаву и прочие клейноды бывшего запорожского войска.

Во время войны войско верных казаков, названное Черноморским, делилось на две части; конницу, под командою старшины Чепыги, бывшую в составе армии, и пехоту, служившую на войсковой флотилии, сначала под командою кошевого Белого, а по смерти его под начальством войскового судьи Головатого.

Первоначально в 1788 году войсковой кош назначил шесть полковников, вручил каждому из них, в знак власти, пернач и прапор и назначил по одному есаулу, хорунжему и писарю. Полковники командовали полками из казаков 6—7 куреней. Кроме этого, был сформирован еще один пятисотенный полк из лучших казаков к булаве великого гетмана светлейшего князя Потемкина. В 1792 году число Черноморских казаков доходило до 12600 человек.

Наиболее видные подвиги в турецкую войну Черноморцы оказали в морском сражении с турками 7-го июня 1788 года, близ Очакова: в начале боя поднялся противный ветер; парусные суда нашей флотилии не могли выйти в море: тогда Черноморские казаки повели суда вперед на буксире своими лодками, работая на веслах, и тем способствовали принцу Нассау-Зиген нанести поражение турецкому адмиралу Гассан-паше, три судна которого были взорваны выстрелами с нашей флотилии.

За это молодецкое дело Черноморцы удостоились особенной похвалы от главнокомандующего князя Потемкина, причем кошевой Белый получил

армейский чин полковника, а казаки по серебряному рублю.

При преследовании 17 июня разбитой турецкой флотилии кошевой атаман Белый был смертельно ранен и через два дня умер.

На место Сидора Белого выбран кошевым атаманом старшина Захарий Чепега.

После этого Черноморское войско участвовало во многих боях на суше и море, при штурмах Очакова, Измаила и других крепостей, но самым замечательным подвигом их было взятие турецкой крепости, на острове Березани, 7 ноября того же 1788 года.

За этот геройский подвиг Головатый был награжден Георгиевским крестом. Участвовавшим в деле старшинам князь Потемкин изъявил лично свое удовольствие и объявил благодарность всему Черноморскому войску за доблестную службу казаков.

Но вот война кончилась: благодетель Черноморского войска, князь Потемкин, 5 октября 1891 года сошел в могилу, а в следующем году Черноморцы перенесли свое оружие на Кубань, куда по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению казаки переселились с семьями, жившими между Бугом и Днестром, на отведенной Потемкиным войску земле.

Для поселения Черноморского войска назначался собственно Фанагорийский или Таманский остров, но отправленный с прошением от Черноморцев к царице войсковой судья Головатый успел исхлопотать войску еще и Кубанскую землю, пожалованную ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ II-й ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотою 30 июня 1792 года. Милостивая Монархиня, отпуская Головатого, наградила его, на новоселье, фарфоровым, обделанным в золото, кувшином, с барельефными изображениями Ее Величества, наполненным червонцами, войску

пожаловала хлеб и соль на серебряном вызолоченном блюде с такой же солонкою, знамя и литавры с трубами, серебряные, а кошевому богатую саблю.

Черноморское войско, прибыв на Кубань, первоначально разместилось на дарованных ему землях 38-ю куренными селениями с теми самыми названиями, которые существовали в Запорожье, с прибавлением к ним двух куреней: Екатериненского и Березанского, первый в честь ИМПЕРАТРИЦЫ, второй — в память взятия у турок Черноморцами Березанской крепости. В 1794 г. в общем войсковом собрании было составлено положение об управлении войском, названное «Порядок общественной пользы». За неимением войскового положения, Правительством утвержденного, которым общее собрание утвердило войсковое правительство из кошевого атамана, войскового судьи, войскового писаря и канцелярии, а войсковую территорию разделило на пять округов и определило права и обязанности служащих, а также право пользования каждого из войсковых жителей земельными угодьями. В каждом округе было окружное управление, состоящее из полковника, писаря, есаула и хорунжего.

Черноморское войско формировало свои полки, по мере надобности, по старому своему обычаю, с ближайших куреней (селений), так что все казаки полка знали друг друга. После роспуска полка на льготу, он, в случае нового сбора, сохранял свой прежний состав.

До 1802 года штатного состава полков в Черномории не существовало; их считалось в войске одиннадцать конных и семь пеших, в 500 человек, но штат этот был примерный, так как один отдел куреней выставлял большее, а другой меньшее число ка-

заков. Относительно наряда на службу казаков, войсковое начальство держалось такого порядка, что более зажиточные поступали в конницу, а бедные шли в пехоту.

В 1802 году в первый раз утвержден штат для полков Черноморского войска, которых было сформировано десять конных и десять пеших, по 500 человек, при определенном числе офицеров каждого полка. В 1819 году добавлен еще один конный полк.

Кроме конных и пеших полков, в Черноморском войске существовала артиллерия, сформированная первоначально в 1814 году в составе одной пешей и одной конной полуроты 6-ти орудийного состава.

IX.

Положение Кавказской линии и Черномории. — Взаимные отношения казаков с черкесами. — Походы Черноморцев в Польшу и Персию. — Набеги черкесов на Черноморцев. — Возмездие за то казаков. — Смерть черноморских атаманов Чепеги и Головатого. — Атаман Котляревский. — Неприязненное отношение горцев к русским. — Походы атамана Бурсака за Кубань.

Кавказская линия примыкала с восточной стороны к бывшей Моздокской линии и соединялась на Кубани, у «Изрядного источника» с Черноморской кордонной линией. Соседями линейных казаков, кроме абазинцев и других мелких, подвластных Турции черкесских племен, были и кабардинцы.

Последние еще в половине XVI столетия, не желая подпасть под власть крымского хана или Шамхала Тарковского, искали покровительства русского царя. Но в то время Россия так была отдалена от Северного Кавказа, что не могла фактически властвовать над кабардинцами. По Кучук-Кайнарджинскому трактату кабарда была уступлена России, но тогда уже сами кабардинцы не искали дружбы русских, а напротив, стали с ними враждовать, в особенности, когда устройством Моздокской линии были заняты прежние их земли. По этой причине кабардинцы, считаясь мирными, нередко вместе с закубанскими горцами, тревожили сначала Моздокскую, а потом Кавказскую линию и не давали покоя казакам и другим поселенцам Северного Кавказа.

С переселением же русской границы с северной части Моздокской линии на Кубань, положение не

изменилось к лучшему, а напротив, вызвало еще большее озлобление кабардинцев.

Турецкое правительство, готовясь к войне с Россией, возбуждало против нее кавказских мусульманов. Волнения горцев требовали усиленной бдительности, почему заведывавший тогда Кавказским краем князь Григорий Александрович Потемкин советовал командовавшему Кавказским корпусом генералу Текели, кроме принимаемых им мер к удержанию кабардинцев в покорности, влиять на них «не столько страхом оружия, сколько ласкою и мягкостью обращения». Для того же, чтобы показать враждебным горцам силу русского оружия, князь Потемкин велел произвести за Кубань сильную экспедицию.

В исполнение чего два отряда — один под командою генерала Текели, другой донского атамана Иловайского — открыли там военные действия. Жилища горцев запылали огнем и кровью их обжигались горы Кавказа — от Кубани до Черного моря. Но ИМПЕРАТРИЦА осталась недовольна такой бесцельной и безрезультатной суровостью начальников войск, и Текели был сменен графом Салтыковым, также отозванным в скором времени для участия в шведской компании.

После отъезда Салтыкова старшим остался генерал-поручик Бибииков. Действуя в прежнем направлении, он предпринял в кампании 1789 года известный неудачный поход под Анапу, за что и был удален от должности и отдан под суд.

В этом походе, в суровое зимнее время, участвовали и Хоперские казаки, пробившиеся с большим трудом через неприятельскую землю от Анапы обратно на Кубань.

Место удаленного Бибиикова занял граф де-Бальмень.

Произведенная вслед за сим блестящая экспедиция за Кубань барона Розена, заставила горцев просить пощады. Розен, отбирая у черкесов аманатов, приводил их к присяге на верность России. Присягу эту горцы давали под угрозой победителя и в общем мера эта не принесла никакой пользы, во-первых, потому, что горцы, находясь в фактической зависимости от турецкого Султана, не могли быть приняты в русское подданство; во-вторых, не придавая значения присяге, данной гяуром, они оставались душой все теми же врагами русских.

В том же году де-Бальмен умер, а на его место командующим Кубанским и Кавказским корпусом был назначен граф Гудович. При нем в 1791 году была предпринята вторая экспедиция под Анапу, которая и взята штурмом 22 июня.

Все эти походы имели место, потому что в то время продолжалась война России с Турцией; последняя, ведя борьбу с русскими на Днестре и на Дунае, тревожила русские границы и со стороны Кавказа, где имела опорным пунктом на берегу Черного моря крепости: Суджук-Кале и Анапу, со стороны которой в 1790 году кубанский сераскир Батал-паша с турецкими войсками и черкесами предпринял поход на Кубань для разорения по правой стороне этой реки русских поселений и восстановления там прав турецкой державы, подчинить ей всю Кабарду.

Весть о походе Батал-паши дошла до наших пограничных начальников в то время, когда генерал Герман стоял с четырехтысячным отрядом верст за тридцать от Кубани. Узнав, что турецкий корпус направляется к Кубани, на Гергиевскую крепость, Герман, несмотря на малочисленность своих войск, решился преградить путь туда туркам, и до 30 сентября произошел на Кубани, у нынешней Баталпа-

шинской станицы, знаменитый бой, в котором названный турецкий корпус был уничтожен, и сам Батал-паша взят в плен.

С окончанием турецкой войны, трактатом, заключенным 29 декабря 1791 года в Яссах, Порта признала существующую Кубанскую границу и обязалась воспретить закубанским горцам вторгаться более в русские пределы, поручить наблюдение за ними анапскому паше. Вследствие изложенного, Кавказским войскам было также дано строгое приказание не переходить границы турецких владений, чтобы тем не нарушать мирного договора. Установленный таким образом порядок вещей повел к тому, что горцы, не прекращая воровства и грабежей на нашей стороне, как только успевали перейти за Кубань, были безответственны.

Несколько в иных условиях была кордонная линия, занятая Черноморцами. Они, как это и было уже выше отмечено, на первых порах, с соседями горцами жили довольно миролюбиво, что не мешало, впрочем, горцам тайно заниматься воровством в пределах казачьей земли. Вследствие такого относительного спокойствия на Черноморской кордонной линии, признано было возможным в 1879 году командировать, по требованию графа Платона Зубова, два Черноморских полка в Западный край для военных действий против польских мятежников. Граф Зубов, назначая в поход с полками кошевого атамана Чепегу, предписал ему, по пути в Польшу, заехать в Петербург для личного представления ГОСУДАРЫНЕ.

Пока Черноморские полки под командою старшего полковника Высочина, собирались в поход, Чепега отправился в Петербург, где был представлен ГОСУДАРЫНЕ 9-го июня в Царском Селе. ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА милостиво приняла старого

черноморского атамана и оказала ему особенное Монаршее внимание.

Отпуская в армию Чепегу, ГОСУДАРЫНЯ благословила его хлебом-солью, пожаловала его саблею, алмазами украшенною, и, как говорят, сказала: «Бей, сынок, врагов отечества».

Казачи, прибыв в местечко Слоним, поступили в корпус генерала-поручика Дерфельдена и приняли деятельное участие в боях с поляками. Чепега получил за боевые заслуги генеральский чин, а за особое отличие при штурме Праги — орден Святого Владимира 2-й степени, прочие старшины награждены каждый по заслугам, а казаки жаловались крестами и медалями.

В ноябре Черноморские полки стали в Литве на квартиры и содержали передовые посты на прусской границе, до возвращения в 1795 году домой.

В 1796 году Черноморское войско опять выделило из своего состава два пеших полка в персидскую войну. Для начальствования этим отрядом, предназначенным для военных действий на Каспийской флотилии, графом Зубовым был назначен войсковой судья полковник Головатый.

Черноморские полки, выступив 26-го февраля в поход, дошли до Баку, откуда Головатый с главною частью отряда отправился на остров Сару.

Во время этого похода Черноморские казаки служили на Каспийской флотилии и участвовали в военных действиях при покорении персидских областей до р. Куры и Аракса.

Конец похода был печальный для Черноморцев: они потерпели несколько крушений в водах Каспийского моря, бурные воды которого поглотили немало казаков, причем погиб и один из командиров, полковник Великий.

В то время, когда Головатый находился в пер-

сидском походе, кошевой атаман Чепега был озабочен охранением спокойствия на Черноморской кордонной линии, которую, несмотря на мирные отношения России с Турцией, подвластные последней, черкесы начинали сильно тревожить своими набегами и с течением времени выказывали все более и более неприязни к русским. Кордонная стража казаков, расставленных малыми постами по берегу Кубани, на большом пространстве не могла предупредить переход горцев на нашу сторону, особенно, когда Кубань, скованная в зимнее время льдом, представляла тому полную возможность.

Неприязненные действия закубанских горцев вынудили кошевого атамана Чепегу в 1796 году обратиться к анапскому паше с просьбою — принять решительные меры к удержанию подвластных ему горцев от нападений на русские границы. Паша, хотя и обещал это исполнить, но горцы продолжали тревожить набегами кордонную линию, вследствие чего Чепега, не веря искренности турецкого правительства в желании его обуздать горцев, решился сам, на свой страх, наказать беспокойных. С этой целью он выслал отряд Черноморских казаков в землю шапсугов и нанес им поражение в сердце их оседлости.

Усматривая в таких действиях казаков нарушение мирного договора, анапский паша заявил протест, на что Чепега отвечал, что Черноморские казаки переходили за Кубань не с враждебными намерениями против Турции, а единственно для преследования там хищников, грабивших в наших пределах мирных людей, и для отнятия у них награбленного имущества и что, наоборот, набеги черкесов составляют нарушения Ясского договора. Так как и после этой переписки черкесы продолжали набеги на Кубанскую границу, а анапский паша не

заботился о возвращении наших пленных и захваченного черкесами скота, то Чепега возбудил ходатайство через таврическое начальство о вознаграждении Оттоманскою Портою Черноморских казаков за причиненные им черкесами убытки.

14-го января 1797 года кошевй Чепега умер в Екатеринодаре, и на его место осиротелые Черноморцы избрали атаманом бывшего в персидском походе бригадира Антона Андреевича Головатого, но в ожидании ВЫСОЧАЙШЕГО на то утверждения, Головатый, командовавший в то время Каспийской флотилией, пал жертвой убийственного там климата. Смерть этого замечательного в истории Черноморских казаков человека последовала 28 января 1797 года.

После смерти Головатого, без выбора войскового круга, был назначен Высочайшею властью войсковым атаманом Черноморского войска войсковой писарь Тимофей Терентьевич Котляревский, бывший в то время в Москве представителем от Черноморцев при священном Короновании ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-го.

Назначение это, последовавшее в Петербурге, без выбора войском по-прежнему порядку, возбудило неудовольствие казаков; некоторые из них требовали сместить Котляревского с должности и на его место выбрать вольными голосами другого кошевого. Волнения по этому поводу скоро улеглись, но Государь край не был недоволен этим нарушением дисциплины и порядка в Черноморском войске.

Котляревский долго жил в Петербурге и там достиг весьма быстро генеральского чина. Ходатайствуя о разных делах, относившихся к лучшему устройству своего войска, он, между прочим, продолжал вести начатую кошевым Чепегаю переписку об

ХII.

Участие казаков в Крымской войне. — Черноморские пластуны. — Продолжение занятий русскими закубанских земель.

В 1853 году открылась с турками новая война, в которой приняли сторону Турции и другие европейские державы. Англо-французский флот вошел в Черное море и заставил снять наши укрепления на Черноморской береговой линии, а так как неприятельские суда стали подходить к устьям Кубани и появлялись даже в Азовском море, то русское правительство решилось выселить закубанских поселенцев из окрестностей Анапы. Все станицы были уничтожены, жители большею частью перешли на время в Черноморию, а некоторые разбрелись кто куда захотел.

Главная масса строевого состава Кавказских казаков действовала во время этой войны, в Азиатской Турции, в боях: Башкадыклярском, Курюкдаринском и при обложении крепости Карса. Но и для всей оставшейся дома части населения эпоха эта была периодом крайнего боевого напряжения; под влиянием усилившихся подстрекательств из Турции и преувеличенных слухов о неудачах нашего оружия в Крыму, горцы сделались, более чем когда-либо, дерзкими, и малая, но кровопролитная война на Кавказской линии горела ярче, чем когда-либо.

Для защиты пределов Черномории от англо-французов, высадившихся было на Таманском полуострове в числе 5000 человек, был сформирован Таманский отряд под начальством генерала Кухаренко, за болезнью которого отрядом этим впоследствии командовал полковник Бабиц. Так как неприятельский флот, принявший на себя обратно десант,

поводы к ссорам с соседственными народами и к взаимным с их стороны набегам.

Граф Гудович, получив такое грозное повеление ИМПЕРАТОРА, отрешил от должности командира Кубанского полка полковника Чернозубова, предал его суду, а полк поручил есаулу Потапову.

После того горцы еще более озлобились на русских, и они решились открыто, вооруженной рукой, нападать на наши пределы. Почему и начались постоянные случаи с их стороны убийства, грабежи пограничных жителей, причем не только скот, но и люди уводились в плен. Рядом с этим, казаки, в силу сказанного ВЫСОЧАЙШЕГО повеления, не смели преследовать разбойников за границу, тем более, что повеление то было подтверждено еще особым рескриптом ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, данным 4-го апреля 1799 года черноморскому войсковому атаману генералу Котляревскому, которым повелевалось не делать нападений на черкесов за Кубанью без особого на то ВЫСОЧАЙШЕГО же повеления.

В таком положении находились дела на Кубанской границе до назначения атаманом Черноморского войска Бурсака. По его ходатайству, Государь в 1800 году разрешил произвести репрессалию; Бурсак этим воспользовался, и с двухтысячным отрядом Черноморских казаков, при двух полках егерей, перешел за Кубань, разбил передовые аулы Арслан и Дивлет Гиреев и с богатою добычею воротился обратно.

Экспедиция эта удостоилась ВЫСОЧАЙШЕГО одобрения и участвовавшие в походе войска получили Монаршее благоволение.

После поражений, нанесенных Бурсаком, горцы присмирели и весь 1801 год прошел спокойно.

В следующем году на Черноморской кордонной линии случилось важное происшествие: черкесы за-

хватили на Кубани шедший из Бугаза в Екатеринодар байдак с грузом пороха и свинца и убили на нем 2-х офицеров, 9 казаков, а остальную команду переранили и частью взяли в плен. Бурсак, намереваясь отомстить горцам, испросил разрешение наказать злодеев.

Предпринятый вторичный поход за Кубань, с сильным отрядом, был удачен: 4 черкесских аула были разорены, причем взято в плен 532 горца, а также много скота. За эту экспедицию атаман Бурсак был произведен в полковники.

Между тем, командуя в Крыму войсками генерал Михельсон, признавая запретительную систему на Кубанской границе преследовать горцев за чертой кордонной линии, без ВЫСОЧАЙШЕГО каждый раз разрешения, стеснительной, успел выхлопотать в 1802 году позволение карать горцев в их земле, тот час же после каждого их нападения, при условии, впрочем, донесения о всякой экспедиции за Кубань на ВЫСОЧАЙШЕЕ имя.

Пользуясь этим, кордонная стража на Кубани не стеснялась более в преследовании и наказании черкесов за чертой пограничной линии.

Х

Заграничные походы казаков. — Военные события на Кубанской границе. — Подчинение Черноморского войска кавказскому начальству. — Разорение горцами русских селений. — Военные экспедиции за Кубань. — План графа Паскевича для покорения Западного Кавказа.

Занятие Россией ханств, принадлежавших персидскому государству, и усиление русской власти в Закавказье вызвали волнение в ханских владениях, следствием чего последовало вероломное убийство главнокомандующего князя Цицианова под Баку. Для усмирения непокорных ханств были собраны войска, находящиеся за Кавказом, и к ним отправлен в 1806 году трехтысячный отряд с Кавказской линии, под начальством генерал-майора Глазенапа. В этом отряде, действовавшем против мятежников в Данестане и взявшем с боя Дербент, находились Хоперские и Кубанские казаки. Остальные продолжали прикрывать Кубанскую границу, на которую горцы, подстрекаемые турками, не прекращали своих ожесточенных нападений. Разграбив на Кавказской линии Воровсколесскую станицу в 1806 году и в следующем году Каменнобродское и Сенгилевское селения, черкесы вырезали каменнобродцев в самой церкви, где они искали спасения; прочих же жителей разоренных селений, не успевших скрыться, или перебили или забрали в плен, захватив в добычу и их имущество.

Никакая бдительность кордонной стражи не могла спасти от бедствий наших прикубанских жителей. Темные и бурные ночи, прибрежные тростниковые и кустарные заросли и зимняя стужа, обледенившая быстрое течение Кубани, давали полную

возможность хищным горцам переходить незаметно на нашу сторону для грабежей и разбоев. При всем этом немало еще служила причиной частных переходов горцев в русские пределы недостаточная охрана кордонной линии. Но при всей малочисленности казаков, они постоянно требовались, кроме внутренней, еще и на внешнюю службу.

В 1807 году два конные полка Черноморцев были высланы в Крым для занятия караулов по берегу Черного моря, по случаю начавшейся с турками войны, и хотя в том же году в ноябре возвратились в Черноморию, но вместо них третий пеший полк Черноморского войска, экстренно сформированный, под командою полковника Паливоды, был направлен в феврале на Дунай и там на гребной флотилии принимал участие в войне с турками.

12-го мая Паливода был отряжен с казаками для взятия на неприятельском берегу турецкой батареи, но разыгравшеюся на Дунае бурей казачьи баркасы разбросало, и сам Паливода, отнесенный волною под неприятельскую батарею, был убит, вместе с прочими, бывшими с ним казаками. Вместо Паливоды заступил полковник Матвеев, участвовавший с Черноморцами во многих боях с турками. Отличные подвиги его с черноморцами в турецкой войне свидетельствуются уже тем, что он за храбрость и военные отличия получил три награды орденами: св. Анны 2 ст., св. Гергия и Владимира 4 ст.

По заключении с турками мира, полк Матвеева принял полковник Бурсак и с ним перешел в армию адмирала Чичагова, действовавшую тем временем против французов. Главкомандующий Кутузов, узнав, что полк Бурсака понес уже большие потери в военных действиях, возвратил его в Черноморию, откуда был выкомандирован в действующую армию другой сводный конный полк. Кроме этого полка в

Отечественной войне приняла участие и Черноморская гвардейская сотня, сформированная по Высочайшему повелению в 1811 году. В этой войне, в гвардейской сотне выделился своею отвагою молодой офицер Алексей Бескровный. Под его командою Черноморцы выказали отличие в Бородинском бою и с успехом подвигались в деле общего преследования французов и изгнания их из пределов России. В следующем году Черноморцы в составе русской армии, участвовали в войне в Германии. Гвардейская сотня, которой в то время командовал уже Бескровный, в сентябре 1813 года, поступила в конвой Его Величества и приняла видное участие в лейпцигской битве, за что удостоилась получить серебряные трубы.

В то время, как часть Черноморских полков билась с врагами отечества в заграничных походах, остальные, оставаясь дома, продолжали отбиваться от горцев, возобновивших с особенным ожесточением свои непрерывные набеги на прикубанские поселения, после увольнения в 1816 году от должности атамана Бурсака, сдавшего Черноморское войско подполковнику Матвееву.

Получая частые донесения о разорении горцами жителей Черномории, правительство признало неудобным оставлять далее этот край в подчинении отдаленного таврического начальства, имевшего недостаточный надзор за положением дела на кубанской границе. По этим соображениям Черноморское войско в 1820 году поступило под команду корпусного командира на Кавказе, генерала Ермолова, для командования Черноморскою кордонною линиею, бывшую в ведении войскового атамана, назначил особого начальника в лице генерала Власова. Став во главе обороны Черноморского края, Власов призвал под ружье все военные силы этого

войска и с ними открыл ряд блестящих экспедиций за Кубань против горцев. Действиями этими Власов умел прекратить нападения горцев на наши пределы, но зато вызовом под ружье всех способных к службе совершенно обессилил внутреннее состояние Черномории. В домах Черноморцев, в продолжение долгого времени, оставались одни только дряхлые старцы, женщины и дети, не способные к труду, отчего хозяйства казаков приходили в сильный упадок.

Как ни тягостно было положение Черноморцев, но они, посвящая все свои силы на защиту своего края, с бодрым духом, переносили все бедствия кавказской войны и охотно приносили в жертву службе царю и отечеству свое благосостояние и самую жизнь.

Из военных действий генерала Власова особенно замечательно Калауское побоище черкесов, происшедшее в октябре 1821 года вблизи Петровского селения, где трехтысячную толпу горцев, намеревавшуюся разграбить Петровские хутора, Власов загнал в болотистый Калауский лиман и там побил и вытопил почти всех. Всего 42 черкеса были взяты в плен, да несколько человек лихих наездников, в темноте ночи успели спастись бегством, чтобы передать в горах печальную весть о гибели своих товарищей.

Генерал Власов вынудил многих горцев покориться России и дать клятву в сохранении мирных отношений с русскими, но так как нередко мирные горцы участвовали и после присяги вместе с враждебными своими товарищами в набегах на наши пределы, то Власов, карая черкесов, не щадил и мирных горцев. Жалобы на такие действия Власова дошли до ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА и Его Величество повелел удалить этого неуто-

мимого генерала от командования Черноморской кордонной линией. На его место в 1826 году был назначен генерал Сысоев, но и он скоро сдал начальство полковнику, впоследствии генералу Бескровному, назначенному в 1827 году, на место Матвеева, атаманом Черноморского казачьего войска.

Таким образом, военная часть на границе в Черномории по-прежнему перешла к атаманам Черноморских казаков, подчинявшимся командующему войсками на Кавказской линии.

В то время, когда власовскими походами за Кубань, горцы были оттеснены от Черноморской кордонной линии и на некоторое время прекратили опустошительные набеги на Черноморию, усилились нападения этих хищников на Кавказскую линию. Черкесы в 1823 году разграбили Темижбекские хутора и Круглолесское селение, а в 1825 году подверглось той же участи и Солдатское село.

Для подкрепления Кавказской линии, по распоряжению командующего войсками, неоднократно вызывались Черноморские казаки, из которых в экспедиции генерала Вельяминова за Кубань, принятой для покорения азиатцев за разорение линейных жителей, участвовали два Черноморских полка.

Вельяминовские походы за Кубань настолько же известны по Кавказской линии, как и власовские в Черномории, но ни те, ни другие, по результатам не имели большого значения в ходе кавказской войны. На время горцы смирились, клялись быть мирными, но при первом удобном случае вновь производили набеги на наши пограничные селения. С нашей стороны формировались отряды, шли за Кубань, громили черкесов, но и горцы не оставались в долгу, и таким образом разорениям не было конца.

В 1826 году началась война с Персией, и на те-

атр военных действий явились, по требованию командира Кавказского корпуса, два линейных и два Черноморских казачьих полка с полуротой конной артиллерии.

Вслед за тем, в 1828 году, возгорелась турецкая война, в которой Кавказские казаки приняли также горячее участие в действиях против турок, несмотря на то, что нужно было много усилий, чтобы вести непрестанную борьбу с исконным врагом у самого домашнего очага. В то время, как атаман Верзилин с линейцами отличился под Карсом и Эрзерумом, два конных и один пеший Черноморских полка подвигались к Дунайской армии.

Из этих полков 1-й пеший оказал особенное отличие при разбитии турецкого флота под Браиловым, в Мачинском рукаве, 29 мая 1828 года.

По окончании турецкой войны два конные Черноморские полка были передвинуты в 1830 году в Царство Польское, где участвовали в подавлении польского мятежа, а в следующем году все полки, находившиеся за границей, возвратились в Черноморию.

Кроме этих частей, в период той же турецкой войны, еще четыре пеших полка и часть артиллерии участвовали со своим атаманом Бескровным во взятии Анапы, 12-го июня 1828 года.

За особенное отличие в этом славном деле Бескровный произведен в генералы. Все полки, бывшие в войне с Персией и Турцией в 1827, 1828 и 1829 годах, получили военные отличия.

До окончания турецкой войны в 1829 году, в борьбе с закубанскими горцами мы придерживались, в общем, оборонительного способа действий, отчасти по недостатку численности военных сил на правом крыле Кавказской линии, но, главным образом, потому, что закубанский край считался терри-

торией турецкой империи, и движение туда наших отрядов могло быть оправдываемо лишь необходимостью репрессалии за набеги горцев в наши пределы. Адрианопольским миром в 1829 году вся страна между р. Кубанью и Черным морем включена в состав Российской Империи и для фактического овладения ею, командовавший в то время всеми войсками на Кавказе, граф Паскевич, после экспедиции, предпринятой в закубанский край, исходным пунктом которой был Екатеринодар, составил план завоевания этого края, основанием которого было — устройство линии укреплений от Кубани до Черного моря, между Екатеринодаром и Геленджикской бухтой. От этой линии, долженствовавшей служить основанием дальнейших действий, предполагалось двигаться далее к востоку и постепенно закреплять наше владычество над черкесскими народами. В том же году укрепления были возведены и заняты гарнизонами, преимущественно из состава пеших Черноморских казаков. Но вольнолюбивые черкесы не признали над собой действий Адрианопольского трактата и явили нашим войскам горячее сопротивление, получая морем от турок и от английского правительства поддержку нравственную и особенно материальную, всякого рода боевыми припасами. Жизнь заброшенных в самую середину неприязненного горского населения, гарнизонов закубанских укреплений была до крайности тяжела; сообщение с родной Черноморией было возможно только при условии движения значительных отрядов и производилось лишь раз в год; блокированные за валами черноморские казаки страдали от вредного, болотного воздуха и от недостатка свежих пищевых продуктов; болезненность и смертность были очень велики и вообще служба в закубанских гарнизонах до того была тяжела, что

XI

Первые закубанские поселенцы. — Зассовские походы. — Занятие Лабинской линии. — Изменение правительственного взгляда на войну с горцами. — Положение закубанских горских племен. — Магомет Амин.

Приведение в исполнение ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного плана покорения горцев на Западном Кавказе исполнилось почти одновременно с двух сторон: Кавказской линии и Черномории.

Еще со времени взятия Анапы, в 1829 году, русские войска начали теснить горцев Натухайского племени, живших в западной части турецких владений. Проложенная впоследствии коммуникационная линия от Варениковой пристани, на Кубани, до Черного моря к Анапе, отрезывала натухайцев от остальных горских племен, и когда созрела мысль колонизировать закубанский край малороссийскими казаками, то, прежде всего, для этого была назначена земля натухайцев. Командир Кавказского корпуса, барон Розен, при этом представлял, что прежде поселения русских людей за Кубанью, следует озаботиться защитой их от нападения горцев, но так как этого в полной мере трудно было достигнуть, то Розен полагал допустить для поселения только тех, кто добровольно согласится водвориться на неприятельской земле под прикрытием русских войск. Такой проект Розена удостоился Высочайшего утверждения в 1832 году.

Прежде других были вызваны охотники из Черноморского и Донского войск, но ни те, ни другие туда не пошли. Тогда решено было пригласить за Кубань всех желающих селиться на передовой линии крестьян соседних губерний и других свободных от

назначение туда людей применялось иногда как наказание. Одновременно с учреждением линий укрепления между Екатеринодаром и Геленджиком предприняты экспедиции для устройства крепостей вдоль берега Черного моря; в экспедициях этих приняло участие три батальона Черноморских казаков.

Идея графа Паскевича о постепенном замирении горцев при помощи одних только укрепленных пунктов в их землях, с оставлением самого населения на месте, с самого начала встретила возражения со стороны наиболее опытных кавказских генералов, и между прочим, известного Вельяминова; люди эти считали уже тогда необходимым вытеснять черкесов из их земель по мере завоевания края и заселять удобные для того места русским народом, преимущественно казаками, так как черкеса, по их мнению, можно было победить, но покорить и сделать искренно мирным жителем, представлялось немыслимым одним оружием, — надо было присоединить к нему голод, который неминуемо должен последовать, если стеснить их в горах и отрезать от моря.

Принцип этот удалось применить гораздо позднее, но бесполезные и губительные для здоровья войска закубанские укрепления упразднены были вскоре, а именно — вслед за удалением с Кавказа графа Паскевича, призванного в 1831 году для начальствования войсками, усмирявшими польский мятеж.